

Terra Economicus, 2020, 18(1), 154-166

DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-1-154-166

КАК АМЕРИКАНСКИЕ ЭКОНОМИСТЫ НЕ ЗАМЕТИЛИ СОВЕТСКОГО СЛОНА (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ВЛАДИМИРА КОНТОРОВИЧА «УПИРАЮЩИЕСЯ ВОИТЕЛИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»¹⁾)

Гирш Ицыкович ХАНИН,

доктор экономических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник,

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
г. Новосибирск, Российская Федерация,
e-mail: khaning@yandex.ru

Цитирование: Ханин, Г. И. (2020). Как американские экономисты не заметили советского слона (Рецензия на книгу Владимира Конторовича «Упирающиеся воители холодной войны») // *Terra Economicus*, 18(1), 154–166. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-1-154-166

Автор анализирует проводившиеся в США после Второй мировой войны исследования роли военного сектора в советской экономике. В статье показано, что почти все американские советологи эту роль систематически значительно недооценивали. Объясняя это обстоятельство, автор анализирует состояние всей советологической науки в США, которая функционировала преимущественно на средства американского государства. В дополнении к этой крупнейшей ошибке американских советологов отмечается другая столь же крупная ошибка в оценке размера и динамики основных фондов – важнейшего фактора экономического роста. Были и другие серьезные экономические ошибки, при том что заслуги американских советологов в исчислении альтернативных оценок советской экономики велики. Показывается, что наилучшие оценки военного сектора советской экономики производились независимыми исследователями – выходцами из СССР, которые нередко дискриминировались академической наукой США. Вместе с тем их вынужденная эмиграция говорит о глупости советской внутренней политики, лишившей СССР талантливых граждан. Постановка данного вопроса выводит автора на вопрос о причинах этих ошибок. Они касаются как места экономической советологии в американской экономической науке, ее уровня, мотивов ученых в этой области, так и поведения американского государства. Неудачи западных экономистов в предсказании кризиса 2008 г. в совокупности с этими провалами экономической советологии позволяют говорить и о кризисе всей западной экономической науки и экономического высшего образования, которые после 1991 г. стали образцом для российской экономической науки и экономического высшего образования.

Ключевые слова: экономика СССР; военный сектор экономики СССР; экономическая наука США; американская советология

¹ Kontorovich, V. (2019). *Reluctant Cold Warriors. Economists and National Security*. Oxford University Press.

**THE SOVIET MILITARY SECTOR IN AMERICAN STUDIES: OMITTING
THE OBVIOUS (KONTOROVICH, V. (2019). RELUCTANT COLD WARRIORS.
ECONOMISTS AND NATIONAL SECURITY.
OXFORD UNIVERSITY PRESS. THE BOOK REVIEW)**

Grigoriy I. KHANIN,

Doct. Sci. (Econ.), Professor,
Leading Researcher,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(RANEPA),

Siberian Institute of Management,
Novosibirsk, Russian Federation,
e-mail: kxaning@yandex.ru

Citation: Khanin, G. I. (2020). The Soviet military sector in american studies: Omitting the obvious (Kontorovich, V. (2019). Reluctant Cold Warriors. Economists and National Security. Oxford University Press. The Book Review). *Terra Economicus*, 18(1), 154–166. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-1-154-166

The author analyses the studies of the role of the military sector in the Soviet economy conducted in the USA after World War II. The paper shows that nearly all American Sovietologists significantly underestimated the Soviet military sector. To explain this fact, the author describes the state of the entire Soviet studies in the USA, mostly funded by the American government. In addition to this big mistake of American specialists, the author also emphasizes another serious error in evaluation of the fixed assets – an essential underlying factor for economic growth. There were also other severe mistakes in economic calculations. Nevertheless, American Sovietologists have considerable merits for alternative estimates of the Soviet economy. The author demonstrates that the best estimates of the military sector in the Soviet economy were given by independent researchers – immigrants from the USSR who were often discriminated in the US academic circles. At the same time, their forced emigration is indicative of the shortsightedness of the Soviet internal policy, depriving the USSR of its talented people. Raising this issue brings the author to a question about the causes of such errors. These causes are related to the place of Sovietology in American economic science, its progress, scholars' motivation as well as the behavior of the American government. Failures of Western economists to predict the 2008 crisis coupled with such failures of economic Sovietology allow us to talk about a crisis of the entire Western economics and higher economic education. Meanwhile, after 1991, Western economics has set the pattern for Russian economic science and higher economic education.

Keywords: USSR economy; military sector of the USSR economy; economics in the US; American Sovietology

JEL codes: N14, A20, Y30

Введение

Книга Владимира Конторовича посвящена исследованию советского военно-промышленного комплекса американскими экономистами. Автор использует эту тему для рассмотрения общих проблем состояния экономической науки в США. Данная пробле-

ма представляет большой интерес и для российских исследователей советской экономики. Ведь военно-промышленный комплекс с конца 1920-х гг. был, как убедительно показывает Конторович, главной целью советской экономики. И это обстоятельство очень серьезно повлияло на развитие российской экономики в постсоветский период. Вместе с тем рассматриваемые Конторовичем на этом примере проблемы состояния экономической науки проливают свет на многие проблемы, связанные с состоянием всего американского общества. Они имеют многочисленные аналогии в состоянии современной российской экономической науки и экономического образования. Этим определяется важность проведенного в настоящей статье анализа для извлечения полезных уроков российскими экономистами и государственными деятелями.

Роль военного сектора в советской экономике

Основная мысль Конторовича состоит в том, что военный сектор с конца 1920-х гг. и до конца существования СССР являлся ведущим сектором советской экономики, что умудрились не заметить университетские (их по западной традиции он называет академиками) экономические советологи в многочисленных учебниках и теоретических работах о советской экономике. Для обоснования этого утверждения Конторович опирается на статистические исследования о размере военных расходов и особенностях военного сектора советской экономики в отличие от гражданского сектора.

Очевидно, что начать следовало с количественной оценки размеров военного сектора. Никто из серьезных экономистов и вообще образованных советских людей не верил в оценки его размера в соответствующей статье бюджета СССР. Тем удивительнее узнать, что до середины 1970-х гг. ЦРУ США их оценивало исходя из этой статьи плюс половина расходов на науку (Kontorovich, 2019: 29), что вопиющее противоречило известным военной разведке США данным о размере военного потенциала СССР в части численности вооруженных сил и парка военной техники.

При количественной оценке размера военного сектора в СССР Конторович опирается прежде всего на более поздние оценки ЦРУ советской доли военных расходов в ВВП за 1959–1990 гг. (Kontorovich, 2019: 30). Согласно этим расчетам, эта доля, достигнув максимума в 1951 г. (24,2%), в последующем колебалась, но никогда не опускалась ниже уровня 13,6%, что намного (часто в 3–4 раза) превышало долю военных расходов западных стран в послевоенный период. Однако Конторович не склонен полностью доверять этим расчетам. Они опираются на советские цены на военную продукцию (как они определялись ЦРУ – отдельный вопрос). Он обоснованно обращает внимание на то, что военная промышленность получала материалы по субсидируемым ценам (Kontorovich, 2019: 30). Советские экономисты (особенно В. Белкин) уже в 1960-е гг. обращали внимание на огромную недооценку продукции добывающей промышленности и первого ее передела из-за недоучета роли в создании их стоимости основных производственных фондов. Но и их расчеты не учитывали очень важное обстоятельство. Сами основные фонды в советской статистике недооценивались, по моим расчетам, в несколько раз. Так, для 1985 г. основные фонды жилищного хозяйства недооценивались в 2,35 раза (Ханин, 2008: 400). Конторович полагает, что эту недооценку военной продукции невозможно оценить (Kontorovich, 2019: 30–31). Я думаю, что это возможно с использованием межотраслевого баланса.

Другое обстоятельство, на которое обращает внимание Конторович, состоит в том, что ЦРУ значительно недооценивало советские военные запасы (и, следовательно, производство вооружения в СССР в натуральном выражении): они были фактически на треть больше по ядерным боеголовкам и в два раза больше по обогащенного урану, более чем на 20% – по танкам и в 10(!) раз больше – по запасам химического и бактериологического оружия (Kontorovich, 2019: 31). К этим двум факторам надо добавить огромные расходы на мобилизационную подготовку экономики к войне, пронизывающую все стороны экономической жизни вплоть до конструкций гражданской техники

в ущерб ее экономичности. Последний фактор нелегко квантифицировать. С учетом указанных трех обстоятельств можно полагать, что бремя военных расходов было намного больше рассчитанной ЦРУ величины.

Об особой роли военно-промышленного комплекса в экономике СССР говорят особенности ее организации, которые подробно и компетентно анализирует автор (Kontorovich, 2019: 34–41). Лишь частично они были вызваны соображениями секретности. В большей мере – приоритетностью этого сектора. Конторович справедливо указывает, что такая приоритетность проявлялась в организации, обеспечении сектора ресурсами и более тщательном контроле качества продукции, что обеспечивало значительно более высокое качество военной продукции по сравнению с гражданской (Kontorovich, 2019: 37). Это же относится и к оборонным исследованиям. Вместе с тем не следует преувеличивать качество военной продукции и исследований. В конце концов и они действовали в командной экономике со всеми ее достоинствами и недостатками. И от них требовалось выполнение часто нереального плана в указанные календарные сроки. Поэтому жалобы на низкое качество военной продукции так часто звучали с трибун съездов партии, пока этот вопрос еще позволялось обсуждать публично (Davies, 1989: 449–450). Напомню об оценке военных самолетов предвоенного периода как гробов командующим ВВС Рычаговым и предании суду командования ВВС и авиационной промышленности сразу после войны за низкое качество поставляемой в войска продукции. Сошлюсь на личные воспоминания более позднего периода. Моим соседом по подъезду в начале 1970-х гг. был розовощекий молодой военпред одного крупного новосибирского завода. 31 декабря – после последнего рабочего дня месяца – я встретил его утром серого от усталости: он в ночь закончил принимать продукцию месяца и года. Можно представить, каково было ее качество.

Наконец, напомню об огромных размерах промышленного шпионажа в СССР, преимущественно в интересах военно-промышленного комплекса (Чертопруд, 2002). Немалые расходы на его проведение тоже следовало бы включить в военные расходы.

Может возникнуть вопрос, не преувеличивает ли Конторович, объявляя советский ВПК ведущим сектором советской экономики? Ведь даже по самым максимальным расчетам в мирное время он был ниже по объему потребительского сектора (фонда личного потребления населения). Мне кажется, он прав. Остальные секторы экономики в значительной степени обслуживали военный сектор (даже потребительский в части обеспечения занятых в военном секторе). Эти секторы развивались по остаточному принципу. Могли абсолютно сокращаться, когда ресурсов не хватало, вплоть до голода, как в начале 1930-х гг. В предвоенный период и со второй половины 1970-х гг. жертвами стали также инвестиции. Лишь в отдельные периоды – в период разрядки международной напряженности или при явной избыточности – их величина могла уменьшаться.

Отмечу, что в свете проделанной американскими экономистами работы по исчислению советских военных расходов (при всех недостатках этих расчетов) просто позорным выглядит отсутствие аналогичных исчислений наследниками СССР – как статистических служб, так и отдельных экономистов. Увы, не делал их и я, хотя всегда понимал лживость официальных оценок: для этого просто не было сил и времени.

Советская военная экономика глазами американских экономистов

Основное содержание книги Конторовича состоит в анализе оценок значения советской военной экономики американскими советологами, особенно академиком, определяющими ее теоретическое осмысление. Для того чтобы это показать как можно убедительнее, Конторович проделал огромную, я бы сказал, фантастическую по масштабам работу. Он проанализировал многочисленную, преимущественно американскую, литературу по советской экономике (книги, статьи) с момента появления экономической советологии. Всего, по моим подсчетам, около 900 источников. Резуль-

таты оказались поразительными. Среди 46 учебников, хрестоматий и популярных книг только в 6 имелись главы о военной экономике, в то время как имелись главы о гораздо менее значимых секторах экономики (Kontorovich, 2019: 56–58). В тех же книгах, где военная экономика упоминалась, ее доля (по числу упоминаний), как правило, была незначительной. Из 18 книг по народнохозяйственному планированию в СССР ни в одной не было отдельной главы о военном секторе, в подавляющем большинстве он даже не упоминался, при том, что были главы о других секторах экономики (Kontorovich, 2019: 63). Из 8 книг об управлении предприятиями ни в одной не было главы о военной экономике (Kontorovich, 2019: 64).

Из 19 книг о развитии и росте только в трех имелись главы о военном секторе. Во многих он вообще не упоминался. Только в двух книгах (Бергсона и Беккера) он занимает значительное место по числу страниц. Среди 28 книг о горбачевских реформах и крахе СССР только в трех есть главы о военной экономике, во многих она вообще не упоминается (Kontorovich, 2019: 66–67). Среди 11 книг по экономической истории СССР только в четырех есть главы о военной экономике, притом две вышли уже после распада СССР. Лишь в литературе об исследованиях и разработках, инновациях и технологическом трансфере роль военного сектора оказалась значительной, поскольку, как отмечает Конторович, значительная часть из них была написана не экономистами (Kontorovich, 2019: 68–69). К аналогичным выводам Конторович приходит, анализируя публикации в ведущих американских и вообще западных экономических и специализированных журналах (Kontorovich, 2019: 71–73). Можно сказать, слона почти не заметили.

На меня сильное впечатление произвел анализ Конторовичем оценок западными учеными роли военных расходов в экономике фашистской Германии перед войной и военных конфликтов в примитивных обществах историками. Это тоже потребовало больших усилий и говорит о широте научных интересов Конторовича. Оба примера говорят о традиционном пренебрежении военной тематикой большинством западных ученых. СССР не стал исключением (Kontorovich, 2019: 179–189). Конторович эту особенность американской экономической науки называет огражданствлением (civilization).

Для подавляющего большинства российских экономистов эта тема в книге, уверен, будет откровением. Мне, например, она, признаюсь, просто в голову не приходила, настолько роль войн в истории человечества казалась значительной. В советской экономико-исторической литературе она занимала заметное место (например, в трехтомном учебнике истории народного хозяйства СССР П. И. Лященко).

Особенно значительное место, казалось, военная экономика должна была занимать при анализе экономики фашистской Германии, в которой подготовка к войне занимала огромное место, и это открыто провозглашалось фашистскими лидерами. Из книги Конторовича становится видно, что из 38 статей об экономике фашистской Германии, опубликованных в США с 1934 по 1939 гг., в 23 статьях тема перевооружения вообще отсутствовала, в 14 – занимала мало места, и лишь одна (!) была целиком ей посвящена. Даже в 33 статьях военного времени военной тематике было посвящено лишь 18 статей (Kontorovich, 2019: 180–181). Примечательно, что подавляющее большинство авторов этих статей были эмигранты из Германии, для которых, в отличие от советологов, языкового барьера не существовало (Kontorovich, 2019: 179).

В прочитанных мною в прошлом советских экономических журналах предвоенного и военного времени (Вопросы экономики, Мировая экономика, Плановое хозяйство) тема перевооружения при анализе экономики фашистской Германии занимала огромное место. Так и хочется сказать о преимуществах советской экономической науки.

Аналогично периоду фашистской Германии, крайне редкой является в американской исторической литературе военная тема при изучении примитивных обществ, несмотря на многочисленные свидетельства военных столкновений в этот период

(Kontorovich, 2019: 187–188). В чем в чем, а в милитаризме американских историков не обвинишь.

Исключительно важна позиция автора в отношении реальных советских дебатов об экономическом росте. Традиционно в американских исследованиях выражение этой позиции ограничивается дебатами между школой Бухарина и школами Преображенского-Фельдмана (Kontorovich, 2019: 117–119). Такая позиция вписывается в западные теории экономического роста. Но она игнорирует огромную роль военного сектора в советской экономике. Действительные дебаты касались, по его мнению, прежде всего проблемы роли военного сектора. По понятным причинам советские экономисты после 1920-х гг. не могли касаться этой темы в публикациях. И все же и здесь были исключения. Так, в моделях воспроизводства конца 1960-х гг. В. С. Дадаева выделялся военный сектор. Выделялся он и в книге Г. С. Кравченко о военной экономике СССР (она прошла мимо внимания Конторовича). Недооценка западными экономистами военного сектора при анализе экономического роста в СССР было очень серьезным их упущением.

Уместно заметить, что в неофициальных публикациях советских ученых вопрос о громадных военных расходах СССР как препятствия экономическому росту подымался. Так, в середине 1960-х гг. он упоминался в ходившем в самиздате выступлении А. Г. Аганбегяна, где называлась доля военных расходов в национальном доходе в размере 40%. Тогда же в Арзамасе-16 сотрудник Андрея Сахарова произвел расчеты, согласно которым эта доля также была определена в размере 40% национального дохода². Ни методика, ни исходная база расчетов не указывались.

Стоило американским экономистам обратиться к выступлениям советских лидеров и статьям в советской печати с начала 1930-х гг., как становилось очевидным, какую огромную роль в СССР придавали военному сектору экономики. Прочитую знаменитое выступление И. В. Сталина перед хозяйственниками 4 февраля 1931 г. Обсуждая вопрос о возможностях замедления темпов развития промышленности, Сталин говорил: «Задержать темпы это отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим. История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость ... Били все за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны преодолеть это отставание за десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» (Сталин, 1952: 361–362).

Обращает на себя внимание, что главный довод у Сталина в необходимости скорейшего развития промышленности определяется соображениями национальной безопасности страны, страх перед военным отставанием.

Еще до этого выступления Сталина при обсуждении изменений в первом пятилетнем плане накануне либо на 16 съезде партии ряд военачальников и хозяйственников, связанных с военной промышленностью, призывали ускорить развитие военной промышленности и связанных с ней отраслей промышленности. Глава оборонного сектора Госплана СССР Механошин в газете «Известия» от 16 июня 1930 г. настаивал на скорейшем развитии качественной черной металлургии, цветной металлургии, машиностроения, в том числе точного машиностроения в интересах подготовки СССР к ведению войны. Аналогичное требование содержалось в статье начальника мобилизационного управления Генштаба Красной Армии Венцова в той же газете «Известия», наркома обороны СССР Ворошилова, заместителя председателя ВСНХ СССР Уборевича на съезде партии (Davies, 1989: 448–449).

Американские экономисты либо не заметили этих высказываний, либо не придали им значения. Как раз качественная черная металлургия, цветная металлургия, машиностроение, в частности точное машиностроение, росли особенно быстро в предво-

² Эта цифра приведена Сахаровым в послесловии к памятной записке от июня 1972 года (Ноткина, 1991: 574).

енный период в СССР, что и было индикатором преимущественного развития военной промышленности.

Почему они ошибались?

Перейду непосредственно к главной теме книги – о качестве американских экономистов. Но прежде должен отметить, что при всех недостатках их роль в исследовании советской экономики огромна. В начале своей научной деятельности я испытал огромное влияние их исследований на понимание мною советской экономики. Многим им обязана и современная советская экономическая история: только их исследования и используют (со своими считаются очень редко, даже если они точнее). При всем том непозволительно не замечать крупных просчетов в некоторых вопросах оценки советской экономики. Я сам, признавая достижения американских экономистов, немало сил потратил для установления ошибок в их работах по количественной оценке динамики советской экономики (Ханин, 1993). Эта моя работа нашла отклик только у Алека Ноува. Американские экономисты предпочли ее не заметить.

Объясняя причины ошибок американских экономистов в этой области, Конторович прежде всего отвергает фактор секретности советских военных исследований (Kontorovich, 2019: 129–152). Он пронизательно отмечает, что, как раз наоборот, это обстоятельство с точки зрения подхода к науке как поиску неизведанного должно было привлечь к ним внимание (Kontorovich, 2019: 134). И если этого не случилось, значит, что-то ненормально в науке.

Во многом Конторович отвечает на этот вопрос, рассуждая о мотивах ученых, которыми они руководствуются при выборе предмета исследований. «Традиционный подход состоит в том, что наука – это особенно благородный вид деятельности, который интересует людей в интересах установлении истины. Альтернативный посткуновский подход состоит в том, что ученые не отличаются от других смертных, преследуя индивидуальные интересы в условиях познавательных и социальных ограничений. Подход с точки зрения экономики науки, который используется здесь, соответствует современному подходу. Он утверждает, что ученые вдобавок к удовлетворению своей любознательности ищут вознаграждения и признания» (Kontorovich, 2019: 154). При этом влияние оказывают и профессиональные нормы, которые, как отмечает Конторович, могут продвигать или препятствовать научному знанию (Kontorovich, 2019: 154). Мне представляется, что как раз «современный подход» объясняет многое в неудаче американских академиков в изучении роли военной экономики СССР. Как только соображения престижа и вознаграждения становятся важными для ученого, он отклоняется от поисков истины. Выдающиеся ученые, сколько мне известно, как раз ставили этот мотив на второстепенное или даже третьестепенное место.

К этому мотиву примыкает влияние сложившихся в данной науке профессиональных стандартов. Они сложились в процессе изучения рыночной экономики и ориентируются на них. В стандартной экономической теории военной экономике не уделялось никакого внимания. Важная специфическая черта социалистической экономики не учитывалась в достаточной степени, что вынуждало заниматься второстепенными для нее вопросами в ущерб первостепенным, одним из которых являлась военная экономика (Kontorovich, 2019: 153–165). Вот как Конторович очень убедительно объясняет возникающие у советологов-академиков альтернативы: «Исследователь может сосредоточиться на специфических, определяющих чертах плановой экономики и попытаться разработать новые экономические инструменты и концепции, адекватные ей. Эта задача с неопределенными шансами на успех. Она может занять много времени, возможно поколения, чтобы прийти к успешному результату. Либо советолог может использовать не совсем адекватные модели более широкой дисциплины применительно к уникальным чертам советской экономики, возможно, продуктивным для некоторых проблем, но вводящих в заблуждение в отношении других. Наконец, ис-

пользовать существующие методы для изучения черт общих для рыночной и плановой экономики, но не обязательно центральных для нее. Не удивительно что последние два подхода преобладают» (Kontorovich, 2019: 156). «Не удивительно», если ориентироваться на вознаграждение и признание. Но я хотел бы здесь обратить внимание и на другую сторону вопроса. Нужно обладать (если изложение Конторовича точно) недостаточными профессиональными, интеллектуальными и культурными качествами, чтобы не понимать принципиальной разницы в этих двух типах экономики и не требовать изучения ее специфических черт. Так что здесь уже имеет место заметное профессиональное неблагополучие в более широкой дисциплине.

Может показаться, что сказанное здесь относится только к академикам. Советскими военными расходами занимались в рамках изучения советской экономики специальные организации: ЦРУ, Пентагон, Рэнд Корпорейшен. Но и здесь часто результаты были слабыми. Достаточно напомнить абсурдно низкие оценки ЦРУ военных расходов СССР до 1976 г. и сильно заниженные в последующем. Конторович объясняет это тем, что работники этих организаций получали экономическое образование у «академиков». Последние нередко были и консультантами этих организаций, их гуру, как Бергсон в Рэнд Корпорейшен.

Обращает на себя внимание, что наилучшие оценки военных расходов СССР давали аутсайдеры, не прошедшие экономической подготовки в американских вузах у академиков. Это прежде всего относится к выходцам из СССР: Науму Ясному, Игорю Бирману, Дмитрию Штейнбергу, Крылову, самому Владимиру Конторовичу, который первую степень получил в СССР. Более молодые из них по традиции не придавали существенного значения политической экономии, справедливо считавшейся ими пропагандистской дисциплиной и больше внимания уделяли конкретно-экономическим дисциплинам. Но и среди американских советологов Конторович справедливо выделяет не-экономиста Энтони Сэттона с его замечательными исследованиями по влиянию западных технологий на развитие советской экономики и изгнанного несмотря на это (из-за этого?) из Гуверовского института. Несладко приходилось и Науму Ясному, и Игорю Бирману из-за враждебности академиков.

Здесь уместно отметить, что Конторович несправедлив к Науму Ясному. Он цитирует высказывание Наума Ясного о том, что «оборона не была проблемой при рождении большого Индустриального Рыбка» (Kontorovich, 2019: 112). Конторович, видимо, не обратил внимание на слово «при рождении». Действительно, в плане первой пятилетки предусматривался рост расходов на «оборону и управление» (оборона не выделялась) в текущих ценах по отправному варианту в 1,34 раза и по оптимальному варианту в 1,4 раза – меньше национального дохода по обоим вариантам – в 1,65 и 1,75 раз соответственно (Госплан СССР, 1930: 113, 130). В бюджете на 1928/1929 г. – первый год пятилетки – предусматривался рост военных расходов с 765 млн рублей в 1927/1928 г. (Плотников, 1955: 92) до 880 млн рублей в 1928/1929 г. (Davies, 1989: 535), или на 15% при росте национального дохода в текущих ценах с 24,7 до 27,5 млрд рублей, или на 11% (Госплан СССР, 1930: 130) с долей в национальном доходе 3%. Превышение роста военных расходов над ростом национального дохода небольшое. Доля же военных расходов – на уровне Великобритании и Италии в 1933 г. Милитаризация началась уже после утверждения пятилетнего плана – сначала в виде огромного роста вложений в цветную металлургию по скорректированному пятилетнему плану отрасли летом 1929 г., но в виде роста военных расходов – лишь с 1931 г. – на третьем году пятилетки (Davies, 1996: 117–118).

Наум Ясный в противоположность большинству американских академиков объективно оценивал долю военных расходов в национальном доходе СССР. В 1951 г. он определил их долю даже в 1948 г. в размере 19,9% (Yasny, 1951: 85).

Отдельно Конторович выделяет вопрос о политических симпатиях советологов. Вопреки сложившемуся у многих в СССР и современной России представлению, мно-

гие из них были левыми и симпатизировали некоторым чертам советского общества (Kontorovich, 2019: 165). Поэтому их научный интерес склонялся к вопросам особенностей социалистической экономики по сравнению с капиталистической, где для вопросов военной мощи не было места (Kontorovich, 2019: 164). Здесь Конторович выделяет бирмингамскую школу – тоже с социалистическими симпатиями, но именно в силу этого (для улучшения социализма) много внимания уделявших военному сектору советской экономики (Kontorovich, 2019: 164). Это же относится к Науму Ясному.

Причины огромных советских военных расходов

Важное значение в книге имеет объяснение огромных военных расходов СССР. При всем том, что занимает в тексте ограниченный объем, учитывая основную цель книги. Конторович обоснованно утверждает, что основы системы военной экономики были теоретически заложены в конце 1920-х – начале 1930-х гг. под влиянием анализа хода Первой мировой войны и особенностей большевистской идеологии. Последняя постулировала неизбежность войны между СССР и его капиталистическим окружением (Kontorovich, 2019: 25–26). Конторович обоснованно обращается к решениям съездов и конференции ВКП(б) и выступлениям Сталина в конце 1920-х – начале 1930-х гг., в которых подчеркивалась важнейшая роль укрепления обороной мощи СССР в качестве цели первого пятилетнего плана (Kontorovich, 2019: 109–110). При этом подчеркивался не только оборонительный характер военных приготовлений. Так, в знаменитой речи перед хозяйственниками Сталин подчеркивал обязательства СССР перед мировым пролетариатом, мировой революцией (Сталин, 1952: 362). Тем удивительнее кажутся Конторовичу пренебрежение военно-экономической тематикой экономистами-академиками.

Вопрос в соотношении доктринальных и прагматических (уроки Первой мировой войны) в определении размеров военной экономики СССР. Мне представляется, что практические соображения играли огромную роль. К тому же, как раз в 1920-е гг. при огромной экономической и военной слабости СССР основные капиталистические страны не проявляли ни малейших военных попыток напасть на СССР.

Мне кажется, что помимо идеологической несовместимости двух систем в 1930-е гг. большую роль в политике ряда стран играли геополитические соображения. Так, и в Германии, и в Японии очень сильны были идеи нехватки жизненного пространства.

Уроки Первой мировой войны советские руководители и их военные советники извлекли гораздо лучше, чем западные руководители. Они стали готовиться к будущей войне, не дожидаясь ее начала, создав в мирное время мощную военную промышленность, запасы вооружения и систему мобилизационной подготовки.

Думаю, что огромную роль в определении размеров военного сектора и в мобилизационной подготовке играла реалистическая оценка советским руководством состояния вооруженных сил СССР. Несмотря на хвастливые пропагандистские утверждения о том, что «от тайги до Британских морей Красная армия всех сильнее» и призывам воевать не числом, а умением, советские руководители понимали ее слабости, как и слабости других областей советской жизни, где «воевали» как раз преимущественно числом. Они понимали, что в войне с серьезными противниками советские вооруженные силы будут нести многократно большие потери в живой силе и технике, чем противник. Гарантией победы могли бы быть только огромные запасы вооружения и их производство. Экстенсивный подход, характерный для всей экономики, должен был и здесь сыграть основную роль. Так и случилось во время Великой Отечественной войны.

Что не так с американскими академиками-экономистами?

Об этом попутно говорилось ранее. Теперь рассмотрю этот вопрос подробнее.

Как американский ученый и гражданин, в рамках избранной темы Конторович особенно огорчается тому, что экономическая советология, созданная после Второй

мировой войны преимущественно усилиями американского государства, оказалась неспособной выявить военные возможности главного противника США в холодной войне (Kontorovich, 2019: 193). Она их в огромной степени недооценивала; больше всего – академическая советология. Но это не единственная ее крупнейшая неудача. Отмечу неспособность даже приблизительно оценить динамику важнейшего фактора экономического роста – основных фондов. Единственная работа в этом важнейшем вопросе – это вышедшая в 1966 г. книга Мурстина и Пауэлла. Она охватывала период 1928–1962 гг.. Но и в ней отсутствовал важнейший вопрос о восстановительной стоимости основных фондов. Последняя, по моим расчетам, превышала балансовую стоимость в 1928 г. примерно в 2 раза. Понятно, что это приводило к завышению динамики основных фондов в последующий период. Но самое поразительное состоит в том, что в дальнейшем такие расчеты вообще не проводились, и эти данные в расчетах факторной производительности брались из статистики ЦСУ СССР. При этом даже в советской экономической литературе 1960–1980-х гг. имелись многочисленные указания на их ошибочность. Меньшие по размерам, но существенные ошибки имелись и в других оценках: динамики ВВП, промышленной продукции и большинства ее отраслей, продукции строительства, розничного товарооборота. Примечательно, что все эти ошибки были в сторону преувеличения результатов советской экономики. Не смогли американские советологи вследствие этих ошибок своевременно предсказать кризис советской экономики. Английские экономисты при несравненно меньшем финансировании давали более обоснованные оценки.

Повторюсь: при всем том имеются немалые заслуги у американских экономических советологов. В частности, все-таки именно они были первопроходцами в альтернативных оценках, намного более точных, чем оценки ЦСУ СССР. Их работы по другим аспектам советской экономики были намного глубже и правдивее советских того же периода.

На основе прочитанных мною советологических работ, книги Конторовича, воспоминаний Наума Ясного (Laird, Laird, 1976) и Игоря Бирмана (Бирман, 2001), личных впечатлений, размышлений над судьбами советской экономической науки попытаюсь определить причины неудач американской экономической советологии, точнее, ее основного ядра. Аутсайдеры типа Наума Ясного и Игоря Бирмана, Энтони Сэттона были намного успешнее.

Скорее всего, были серьезные пороки в самой науке и экономическом образовании. Достижения экономической науки преувеличивались и, что хуже всего, они универсализировались. Слабо учитывалась специфика отдельных стран и цивилизаций. Конечно, имелось немало учебников и книг, статей по особенностям командной и советской экономики. Но многие из этих особенностей (как, например, роль военного сектора и низкое качество продукции, товарный дефицит) недооценивались. При том, что о них немало говорилось даже в советской печати.

Негативную роль играла, по моему мнению, слабая общекультурная и историческая подготовка. Экономика – всего лишь часть общества, и без глубокого понимания этого общества невозможно глубоко оценивать и экономику. Я обращал внимание на то, что пренебрежение сатирическим журналом «Крокодил» серьезно мешало изучению советской экономики (Ханин, 1993: 92). В авторитарных государствах именно сатира часто является наиболее достоверным источником экономической информации.

Уверен, что в области экономической науки, как и в советском высшем экономическом образовании, негативную роль играло увлечение экономико-математическими методами. Они отвлекали от глубокого изучения жизни советского общества и экономики. В особенности от вдумчивого экономического анализа, поисков ошибок в официальной статистике. К сожалению, после 1991 г. российская экономическая наука и высшее образование пошли по пути слепого копирования американской со всеми ее недостатками.

Наверное, прав Конторович, что изучение советской экономики не являлось престижным среди молодежи, что не могло не сказаться на качестве научных работников в этой области.

Показательно, что наибольших успехов в этой области добились как раз не прошедшие этого обучения выходцы из России и СССР, выпускники британских вузов.

Неблагоприятной была научная атмосфера в этой области. Слаба была научная критика. Аутсайдеры не приветствовались, часто дискриминировались. Так было с Наумом Ясным и Игорем Бирманом, Энтони Сэттоном. Другое дело, что в демократическом обществе они все же имели возможность публиковаться и в США, и в других западных странах (особенно в Великобритании). Имели они возможность и получать заказы от Пентагона, где перспективными исследованиями занимался такой выдающийся государственный деятель как Эндрю Маршалл. В этом было огромное отличие от СССР, где КПСС и КГБ блокировали деятельность многих выдающихся экономистов, а часто просто физически их уничтожали.

Американская советология, созданная после Второй мировой войны преимущественно на средства американского государства для изучения главного идеологического и геополитического противника, плохо выполнила свою задачу в изучении советской военной мощи. Объясняя этот факт, Конторович особенное внимание уделяет тому обстоятельству, что профессиональные нормы направляли исследования американских советологов в других направлениях: «Случай советологии показывает, что профессиональные и политические нормы академической среды сильнее власти кошелька в определении направления исследований» (Konorovich, 2019: 193). При всем изяществе этого объяснения оно не является полным. Возникает вопрос, каким образом американское государство терпело преимущественно недостаточно высокий уровень этих исследований в важнейшей для себя области. Очевидно, что само государство оказалось не на высоте. Впрочем, подозреваю, что оно все же больше ориентировалось не на стоимостные измерения экономических советологов, а на относительно точные данные военной разведки о величине советской военной мощи в натуральном выражении.

Неудача экономической советологии не единственная неудача американской экономической науки. После кризиса 2008 г. в американском обществе разразилась сильнейшая критика состояния экономической науки в США. В самом деле, как произошло, что американские экономисты в подавляющем большинстве проглядели довольно отчетливые признаки экономического кризиса? Сплоховали и многочисленные американские Нобелевские лауреаты. На этот раз не лучше оказались и английские экономисты. Не выдержала даже английская королева, задав вопрос: что делают наши экономисты? Очень обидный для целой профессии.

Из этих неудач экономических исследований, лишь небольшой частью которых являются исследования о советских военных расходах, следуют важные выводы об организации экономических исследований вообще, учитывая их огромную важность в современном мире. Ввиду ограниченности места в данной статье ограничусь некоторыми возможными решениями. Прежде всего, речь идет о привлечении в экономическую науку наиболее способных молодых людей. Начать, возможно, следовало бы с талантливой пропаганды экономической науки. Вспоминаю талантливые яркие работы отечественных и зарубежных популяризаторов математики, биологии, физики, химии. Неужели лучшие экономисты не способны создать аналогичные работы по экономике? Важно изменить процедуру отбора в вузы на экономические факультеты. Здесь уже на ранних стадиях отбора необходима правильная профессиональная ориентация; необходимым представляется обращать внимание на первостепенное значение для экономистов умелого пользования статистики и бухгалтерского учета, истории отдельных стран. Требуется пересмотр учебных программ: резкое ограничение экономико-математических методов в пользу экономической и гражданской истории,

экономической статистики, экономического анализа. Необходимо резко повысить требовательность к качеству экономических исследований, избавлять экономическую науку от бездарных «ученых». Как справедливо говорил В. И. Ленин, «лучше меньше – да лучше». Необходимо резко повысить качество научной критики.

Об авторе

Характеристику автора книги я специально оставил на конец статьи. Об этом лучше всего говорит сама книга. Конторович как раз принадлежит той немногочисленной группе американских экономистов – выходцев из СССР, которые внесли большой вклад в американскую экономическую советологию. О его профессиональных качествах в период до выхода книги говорит приведенный в библиографии книги список его работ, часть из которых я читал ранее. Труды Конторовича показывают многообразие его научных интересов, что, по моему мнению, является важным показателем научного уровня ученого. Известные мне некоторые его работы являлись новаторскими. Выделю вышедшую в 1989 г. статью об инфляции в советских инвестициях и основном капитале – тема, остававшаяся вне поле зрения американских советологов.

Мою высокую оценку его книги разделяют очень уважаемые в научной среде рецензенты – профессора американских и британских университетов Марк Харрисон, Филипп Хэнсон и Ричард Эриксон – двое первых из них из Великобритании. Их отзывы опубликованы, как принято на Западе, на задней стороне обложки. В двух из этих отзывов для характеристики книги используется эпитет «fascinating» (обворожительная). Я полностью разделяю эту оценку.

Остается добавить, что Конторович – выпускник (1973 г.) экономического факультета Новосибирского государственного университета. После трех лет работы на советских предприятиях он эмигрировал в США и прошел там весь путь научной карьеры от аспиранта до профессора экономики колледжа Хаверфорд и крупнейшего американского советолога. Его пример, как и множество других, показывает, какие огромные потери понес СССР и продолжает нести современная Россия от пренебрежительного отношения к талантам своего населения, и как много от такой глупейшей политики выигрывают ее конкуренты.

ЛИТЕРАТУРА

- Бирман, И. (2001). *Я-экономист*. М.: Время, 576 с.
- Госплан СССР (1930). *Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР*, т. 1. М.: Плановое хозяйство.
- Ноткина, Т. А. (сост.) (1991). *Погружение в трясину: (Анатомия застоя)*. Сборник. М.: Прогресс, 704 с.
- Плотников, К. Н. (1955). *Очерки истории бюджета Советского государства*. М.: Госфиниздат.
- Сталин, И. В. (1952). *Вопросы ленинизма*. М.: Госполитиздат.
- Ханин, Г. И. (1993). *Советский экономический рост: анализ западных оценок*. Новосибирск.
- Ханин, Г. И. (2008). *Экономическая история России в новейшее время*, в 2-х т., т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 515 с.
- Чертопруд, С. (2002). *Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева*. М.: Олма-Пресс.
- Davies, R. W. (1989). *The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Davies, R. W. (1996). *Crisis and Progress in Soviet Economy. 1931–1933*.

- Kontorovich, V. (2019). *Reluctant Cold Warriors. Economists and National Security*. Oxford University Press.
- Laird, R. D., Laird, B. A. (Eds.) (1976). *To Live Long Enough: The Memoirs of Naum Jasny, Scientific Analyst*. Lawrence-Manhattan-Wichita: The University Press of Kansas, 190 p.
- Yasny, N. (1951). *The Soviet Economy during the Plan Era*. Stanford University.

REFERENCES

- Birman, I. (2001). *I am an economist*. Moscow: Vremya Publ., 576 p. (In Russian.)
- Chertoprud, S. (2002). *Scientific and technical intelligence from Lenin to Gorbachev*. Moscow: Olma-Press Publ. (In Russian.)
- Davies, R. W. (1989). *The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Davies, R. W. (1996). *Crisis and Progress in Soviet Economy, 1931–1933*.
- Gosplan of the USSR (1930). *The five-year plan for the development of the national economy of the Union of Soviet Socialist Republics (USSR)*, vol. 1. Moscow: Planovaya ekonomika Publ. (In Russian.)
- Khanin, G. I. (1993). *Soviet Economic Growth: An Analysis of Western Estimates*. Novosibirsk.
- Khanin, G. I. (2008). *The economic history of Russia in modern times*, in 2 vols., vol. 1. The economy of the USSR from late 1930s to 1987. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University Publishing House, 515 p.
- Kontorovich, V. (2019). *Reluctant Cold Warriors. Economists and National Security*. Oxford University Press.
- Laird, R. D., Laird, B. A. (Eds.) (1976). *To Live Long Enough: The Memoirs of Naum Jasny, Scientific Analyst*. Lawrence-Manhattan-Wichita: The University Press of Kansas, 190 p.
- Notkina, T. A. (comp.) (1991). *Immersing in a quagmire: Anatomy of stagnation*. Moscow: Progress, 704 p. (In Russian.)
- Plotnikov, K. N. (1955). *Essays on the history of the budget of the Soviet state*. Moscow: Gosfinizdat Publ. (In Russian.)
- Stalin, J. V. (1952). *Concerning Questions of Leninism*. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian.)
- Yasny, N. (1951). *The Soviet Economy during the Plan Era*. Stanford University.